

Новое Известие - 1999 - 21 дек - с. 7.

Михаил Марголис, «Новые Известия»

# Андрей Макаревич: «Как сыр в масле мы не катались никогда»

От юбилея к юбилею, от акции к акции работающая, словно перлетуум-мобиле, бригада под названием «Машина времени» все более превращается в Аллу Пугачеву отечественной рок-сцены. Или, лучше сказать, в наш вариант «битлов». Так будет приятнее и Андрею Вадимовичу с друзьями и многочисленным поклонникам неувядающего квинтета. Они и сами нередко пропагандируют полуироничное ассоциирование себя с ливерпульскими легендами. То «желтую субмарину» в своем клипе вспоминают, то картиночку соответствующую на обложке очередного диска помещают. Доля справедливости в этом, вообще-то, есть. Вот «Машине» уже 30. У Макаревича есть звание заслуженного артиста, у Александра Кутикова свой рекорд-лейбл — «Синтез рекордз», у Евгения Маргулова, Петра Подгородецкого, Валерия Ефремова — богатые биографии и солидный авторитет. Всем им уже рукоплескала Красная площадь и сотни стадионов страны. Их имена упоминаются в любых рок-энциклопедиях. Только что они, как какой-нибудь «Пинк Флойд», завершили свой «мировой тур». Целая

плеяда молодых музыкантов может сказать, что выросла в том числе и на хитах МВ. О простых меломанах и говорить смешно. Кто оспорит утверждение, что песня Yesterday у нас известна не больше, чем «Поворот»? Никита Михалков, допустим, про другие российские рок-команды вроде слыхом не слыхивал, а «Машину времени» тем не менее знает... Телевидение сейчас предпочитает за любой эфир брать деньги. Правильно предпочитает, это куда лучше, чем платить. Однако, по словам Макаревича, с РТР ему инициативные сотрудники позволили сами и предложили организовать почти прямой эфир юбилейного концерта в «Олимпийском». Энергичные фаны, добывшие билеты на исторический сейшен, могли успеть доехать до дома и еще раз насладиться час назад виденным финалом действия уже в телеварианте. Кстати, такие аншлаги, какой наблюдался на вечер «Машины», в «Олимпийском» происходят совсем нечасто. Копперфилд, например, побывавший в данном зале совсем недавно, подобного ажиотажа не вызвал.

На «Машину времени» собираются для одинакового оттяга и те, кому под пятьдесят, и те, кому не завтра двадцать. Трудно придумать что-нибудь более мейнстримовое, чем сольник этого коллектива. Для пришедших это даже не столько концерт, сколько документальный фильм о самих себе.

Представительство, в «Олимпийском», подпевающего кумирам истблишмента придало событию практически государственный статус. Будущие триумфаторы думских выборов — Немцов, Кириенко, Чубайс — с цветами взобрались на подиум, а гроза чеченских террористов, премьер-министр и главный претендент на освобождающийся вскоре президентский пост три часа слушал любимые мелодии, сидя в правительственной ложе. «Машина времени» еще раз напомнила ему и остальной аудитории, что «не стоит прогибаться под изменчивый мир...». Накануне же, занятый подготовкой к этапному концерту, Андрей Макаревич дал предторжественное интервью «Новым Известиям».

— В том, что группа существует столько лет, ты видишь больше положительного или отрицательного?

— Это нужно воспринимать просто как факт. С одной стороны, мы не ставили себе задачу продержаться три десятилетия, с другой — когда я вспоминаю пройденное, понимаю, что жалеть абсолютно не о чем. Мы поступали, как считали необходимым, все происходило как происходило. Могло повернуться все гораздо хуже, но я уверен — частенько нам просто везло.

Никого из нас не посадили, хотя точно знаю, показательный объект в свое время искался. Сел Лешка Романов (лидера «Воскресенья») арестовали в 84-м году. — Прим.авт. Выбрали, так сказать, группу номер два. Когда меня выгнали из института, рассчитывали точно под армейский призыв. Буквально через четыре дня я должен был зареветь куда-то на советско-китайскую границу. Спасло опять-таки чудо. Таких вещей можно вспомнить множество. Значит, ангел-хранитель все же за нами следил.

В трех словах сейчас сложно описать ощущения тех лет. Кажется, что Брежнев как библейский персонаж проживет 600 лет, что советская власть если и кончится, то в следующем столетии, что на нашем веку ничего не произойдет. А коли так — нужно делать свое дело, не изменяя себе и при этом особо не попадая этой власти под колеса.

— Некоторым ваша позиция казалась конформистской?

— В чем же, интересно, заключался наш конформизм?

— Ну вот, допустим, на этапном для советской рок-музыки фестивале «Тбилиси-80» с другой нашей культовой командой — «Аквариумом» — случилась одна история, а с вами совсем другая. На их выступлении уважаемое жюри в знак протеста покинуло зал, а вам присудили первое место.

— Тогда мы выглядели так, как считали нужным, а Боря Гребенщиков так, как он считал нужным в тот момент. У них было очень неудачное выступление в Тбилиси. Если «Аквариум» планировал шокировать народ, то это удалось. Но мне всегда казалось, что для музыкантов такая цель не главная. Можно ведь и голую задницу показать...

Я очень люблю Борьку и «Аквариум», но в данной истории я их не поддерживал и не ценил. Они хотели скандала, и сделали его. Это была акция. Но и мы приехали на фестиваль не с песнями Пахмутовой, как ансамбль Стаса Намина, а со своими темами. И никакого компромисса здесь я не нахожу.

История вообще всегда замешана на большой лжи, и раз уж зашла о том фестивале речь, то, пока еще помню, кое-что поясню. Бытует мнение, что в Тбилиси «Аквариум» выступил как флагман андеграунда и тем заслужил проклятие властей, а мы были обласканы и распелованы. Ничего подобного. Борьку вытурили из комсомола и этим ограничили. У нас же после двух удивительным образом проскокчивших в центральной прессе статей, скорее хвалебных, чем ругательных, позволивших нам остаться в Росконцерте, последовали далее одни проблемы. Мы топтали с такой силой, что не понятно, как мы это выдержали. Вспомнить хотя бы знаменитую статью «Рагу из «Синей пиццы». При Черненко, например, вышел указ, обязующий всех официальных музыкантов исполнять не более 20 процентов собственных произведений и 80 процентов сочинений членов Союза композиторов. Мы этого не делали, и то, что нам такое удавалось, совсем не знак расположения к нам чиновников, а невероятное стечение обстоятельств. Постоянно все висело на ниточке.

— Но это чересчур фатальное объяснение?

— Хорошо, рассказываю. Собирается худсовет. Из горкома партии приходит «телега»: пересмотреть политику Росконцерта в связи с сом-



Андрея Вадимовича ценят не только Путин, Кириенко и Чубайс.

нительной группой «Машина времени». На худсовет приезжают партийные представители. Мы тоже должны позвать кого-то, кто примет участие в обсуждении. Кидаемся к немногим, не боявшимся нас защищать, — Юрию Саульскому, космонавту Гречко, Иосифу Кобзону, как ни странно может сие показаться сегодня. Однажды я выгнал Аллу Борисовну, когда дело выглядело совсем плохо. Играем программу, потом члены совета высказывают свое мнение, затем поднимается представитель Минкульта и произносит: «Товарищи, мы ознакомились с вашим мнением, все свободны. У нас своя точка зрения. Ансамбль садится на репетиционный период, репертуар нужно в корне пересматривать».

Садимся репетировать, не получая ни копейки. В течение 3 лет у меня прослушивался телефон, причем внезапно, с дыханием в трубку. От нас ждали ответной реакции. Тогда было модно обращаться к иностранным журналистам, в посольства. Двери для этого были на самом деле открыты... Далее происходит следующее. Томимся на голодный пайке месяц, другой, ничего не зарабатываем. Росконцерт же и в те годы являлся организацией самоокупаемой. В его штате числилось два симфонических оркестра, оркестр народных инструментов и т.д., которые надо было содержать. Мы же, получая по 10 рублей за стадионные концерты, за год приносили в казну около 4,5 миллиона. На эти средства и существовали чиновники, оркестры. Гендиректор Росконцерта шел в Минкульт и сообщал: «Мы горим! Нам нечем платить зарплату Веронике Дударовой, Лундстрему, Кроллу. Надо решать вопрос». Втихаря от представителей горкома собирался еще один худсовет, прослушивал ту же самую нашу программу и резюмировал: «Что ж, теперь значительно лучше. Ребята поработали. Давайте в порядке эксперимента отдадим их в Томск. А лучше в Томск и Новосибирск. Посмотрим, какие будут отзывы в местной прессе». И «Машина» полуподпольно уезжала на гастроли. А все считалось, что мы катались как сыр в масле. У нас не было ни единого эфира ни по радио, ни по ТВ. Это считалось нереальным. Удивительно, что мы попали в кино. Просто власти об этом узнали, когда фильм («Душа». — Прим.авт.) уже сняли, на него истратили бюджетные деньги. Тогдашний руководитель Мосфильма на полном серьезе спрашивал: «Нельзя ли каким-нибудь электронным методом лицо Макаревича из картины убрать и заменить на лицо другого артиста? Иначе я положу на стол партбилет!»

— В том фильме роль лидера груп-

пы исполнил Михаил Боярский. Тебя огорчил подобный факт, или тогда вообще было широко засветить группу?

— Во-первых, я прекрасно понимал, что без Боярского о фильме можно и не мечтать. Таковым являлось условие худсовета. Во-вторых, в кадре мы все равно присутствовали. В-третьих, я очень любил кино, и мне жутко хотелось посмотреть, как оно делается, и поучаствовать в процессе, в-четвертых, изначально на главную роль планировалась Пугачева, а не Ротару, и фильм выглядел бы иначе. Короче, присутствие Боярского меня абсолютно не огорчило. Огорчила необходимость изменять слова в двух песнях. Но литературатор Плаголева, замечательная женщина, сказала: «Андрей, вы же все понимаете. Я и так подставляюсь, но если мы еще и это не исправим — конец всему»...

Очень не хочется, чтобы этот разговор на страницах газеты выглядел бряцанием старыми орденами. Потому что на самом деле все это достаточно смешно. Никакого героизма в том не было. Я рад за молодых, которые на себе подобному не испытали. Объяснять что-то совершенно бесполезно. Либо постигаше все на собственной шкуре, либо ничего об этом лучше не знать. Ну его на фиг! В конце концов мы еще относительно молоды, достаточно веселы и свое музыкальное движение не закончили.

— Ты можешь сегодня назвать «Машину времени» вашим бизнесом?

— Нет. Я понимаю под бизнесом что-то иное. Мы все же выросли в неритмичной стране. Возможно, я не так много общался с известными западными музыкантами, но могу сказать, что все они без исключения гораздо серьезнее, чем наши исполнители, относятся к своему делу. Им есть что терять. Те же «роллинги» понимают, что какой-нибудь один неправильный скандал может лишить их большей части аудитории. Я видел, как они готовятся к концертам, что это такое для них. В России все по-прежнему пребывает, к сожалению, в полуподпольном состоянии. Артисты получают шуточные деньги. Обогащаются пираты. Потрясающе! Во всем мире основная статья доходов — альбомы. У нас такой статьи просто не существует. Мы остаемся на первобытном уровне, и говорить о музыке как о бизнесе вообще нельзя.

— Но вас еще нередко задействуют в рекламе, у тебя есть проекты помимо музыкальных. Это сильно влияет на материальное благосостояние?

— Не материально. Мы сейчас живем, конечно, лучше, чем до 86-го, но и тогда, собственно, с голода не умирали. А домов на Майми и сегодня не покупаем. Есть необходимость:

домик, машина, на что одеться и сходить в ресторан, поехать в путешествие, поплавать с аквалангом, а главное — купить инструменты, о которых раньше только мечтали.

Но, когда ко мне приходит хороший режиссер и рассказывает, что придумал для нас потрясающий клип, и я понимаю, что это действительно клево, он сообщает: «Нужно 25 тысяч долларов — на массовку, взрывы, технику...». Отвечаю, что мечтал бы снять подобный ролик, но где я возьму такую сумму, если за новый диск мы получим, грубо говоря, тысяч 10.

— Помню, когда-то устроители ваших киевских гастролей сетовали на жуткие требования, которые предъявлял им ваш директор. Называли вас капризными звездами. У «Машины времени» действительно жесткий райдер?

— Давай разберемся без ложной скромности. Не будем брать «Битлз», но сравнить себя с какой-нибудь не самой известной, столь же долго живущей западной группой мы вправе? Так вот у любой из них райдер представляет собой, как правило, объемную тетрадку, где расписано до мелочей, что артист ест и не ест, на чем любит спать, куда должно выходить окно его номера и прочее. Наш райдер — полторы странички машинописного текста, где на 70 процентов содержатся требования к аппаратуре, а в остальном запрашиваются элементарные удобства. Одноместные номера, пять полотенец в гримерку, туда же кофе, чай, бутерброды и немного коньяку, если кто-то простужен. Ну еще хорошо бы какое-то приемлемое питание в гостинице. Не потому что нам лень спуститься в ресторан, а потому что такие походы сопряжены с перманентной доставкой нас тамошними посетителями.

— Через «Машину времени» прошло 26 музыкантов. Ее основной состав тоже неоднократно распадался, собирался вновь. Насколько стабильно положение в группе ныне?

— «Машина времени» не место работы, где человек пишет заявления, приносит трудовую книжку. Это — форма общения, сосуществования людей, которые испытывают потребность в таком образе жизни. Если нам перестает быть интересно друг с другом, мы тихо-мирно расходимся. Группа не застрахована от этого и сейчас. Такое может случиться хоть завтра. Нас держит вместе только удовольствие от совместного делания музыки. Сегодня наиболее привлекателен электроника, не новые компьютерные новаторы, а старый, традиционный, дикий ритм-энд-блюз 50-х. Вот такую музыку мы, наверное, в ближайшее время и станем играть.